

Вершилов Сергей Анатольевич

ИДЕОЛОГИЧЕСКИЙ КОНТЕКСТ ВОЕННОЙ БЕЗОПАСНОСТИ ГОСУДАРСТВА

Цель статьи - демонстрация идеологического контекста военной безопасности государства в эпоху глобализации. Научная новизна исследования заключается в фиксации мифов, раскрывающих латентные интенции полномочных субъектов военной безопасности государства. Практическое значение состоит в афишировании того, что противодействие по "обустройству" идеологического дистанцирования относительно врага - истинного или ложного - проявляется в череде вооружённых конфликтов. Это важно учитывать в деятельности и поведении субъектов военной безопасности государства.

Адрес статьи: www.gramota.net/materials/3/2015/9-1/10.html

Источник

Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики

Тамбов: Грамота, 2015. № 9 (59): в 2-х ч. Ч. I. С. 39-41. ISSN 1997-292X.

Адрес журнала: www.gramota.net/editions/3.html

Содержание данного номера журнала: www.gramota.net/materials/3/2015/9-1/

© Издательство "Грамота"

Информация о возможности публикации статей в журнале размещена на Интернет сайте издательства: www.gramota.net
Вопросы, связанные с публикациями научных материалов, редакция просит направлять на адрес: hist@gramota.net

4. **Сариолгалам М.** Новый Ирак, новый Ближний Восток: теоретические последствия для Ирана // Исследования Ближнего Востока. 2002. № 32. С. 1-20.
5. **Яздани Э., Садеки З.** Влияние вторжения Америки в Ирак на национальной безопасности Ирана // Оборонная политика. 2009. № 68. С. 9-48.
6. **ای، خامنه ای، دفتر حفظ و نشر آثار آیت الله خامنه ای، 5 شهریور 1393 (Аятолла Хаменеи.** Центр по хранению и распространению работ Аятоллы Хаменеи, 15 сентября 2014) [Электронный ресурс]. URL: <http://farsi.khamenei.ir/news-content?id=27551> (дата обращения: 24.06.2015).

POLICY OF IRAN IN THE MIDDLE EAST: IMPACT ON NEW IRAQ

Vakhid Khosseinzadekh

Lobachevsky State University of Nizhni Novgorod

Hosseinzadeh1986@yahoo.com

The modern influence of Iran on Iraq is conditioned by the presence of religious and cultural community between the states, by the repressive policy of the former ruling Ba'ath Party, mainly under Hussein oriented against the opposition, as well as by measures taken by Iran to support Iraqi opposition. After the military invasion of the USA into Iraq in 2003 Saddam Hussein's regime was destroyed – the common enemy of Iran and active Iraqi opposition – and conditions to ensure the presence of Iran in Iraq and to develop cooperation between the countries arose. The article deals with the aspects of the impact of Iran on new Iraq (after the fall of Saddam's regime) and reasons for this influence.

Key words and phrases: foreign policy; The Islamic Republic of Iran; Iraq; fall of Saddam Hussein; New Middle East; Iran-Iraqi relations; religious extremism; regional security; regional cooperation.

УДК 101.1:316

Философские науки

Цель статьи – демонстрация идеологического контекста военной безопасности государства в эпоху глобализации. Научная новизна исследования заключается в фиксации мифов, раскрывающих латентные интенции полномочных субъектов военной безопасности государства. Практическое значение состоит в афишировании того, что противодействие по «обустройству» идеологического дистанцирования относительно врага – истинного или ложного – проявляется в череде вооружённых конфликтов. Это важно учитывать в деятельности и поведении субъектов военной безопасности государства.

Ключевые слова и фразы: агенты управления; адекватный ответ; война; военная безопасность государства; вооружённое насилие; идеологический контекст; опасность; жизнеспособность; идеология; мифы; субъекты; уязвимость.

Вершилов Сергей Анатольевич, к. филос. н., доцент

*Военный учебно-научный центр Военно-воздушных сил «Военно-воздушная академия имени профессора Н. Е. Жуковского и Ю. А. Гагарина» (филиал) в г. Краснодаре
vershil@mail.ru*

ИДЕОЛОГИЧЕСКИЙ КОНТЕКСТ ВОЕННОЙ БЕЗОПАСНОСТИ ГОСУДАРСТВА[©]

Под *военной безопасностью* будем понимать такое «состояние репрезентативной практики социума, которое укореняет его качественную жизнеспособность в границах устойчивого существования, динамичного развития и эффективного реагирования на предотвращение опасностей, вооружённого насилия и урона материальным и духовным ценностям, а также те обстоятельства, что служат возникновению указанного» [5].

Со времени введения (1801 г.) в научный оборот понятия «идеология» французским учёным А. Д. де Траси в работе «Элементы идеологии» указанная категория толковалась различным образом. В этой связи важно обратиться к теоретическому архиву представителей французского постструктурализма, чей аксиоматический тезис об идеологической подоплёке опасности адекватно экстраполируется и на военную безопасность государства.

Идеология в отмеченном философском опыте, в какой-то мере, отринута от восприятия её в качестве формы мышления, но в противовес этому скреплена совокупностью бессознательных детерминантов. По этому поводу небезынтересна мысль Л. Альтюссера: «Идеология не имеет истории, так как, подобно бессознательному, она вечна» [1]. Подобное не подразумевает интерпретацию последней неким сочетанием идей, застывших в пространстве и времени. Наоборот, оно включает в себя динамичную практику, в обязательном порядке сконцентрированную на приобретении должного положения вещей, в нашем случае – в сфере военной безопасности.

По всей вероятности с помощью идеологии, на основе искажения фактов и/или их завуалирования, предпринимаются попытки узаконить статус-кво сущего – навязываемого Западом – типа военной безопасности в противовес его должному. По суждению М. Х. Машекуашевой: «фиксируется следующее её предназначение: манипулирование и управление людьми путём воздействия на их сознание» [9]. В такой ситуации сопротивление подтасовке фактов в неблагоприятных целях – вопрос выбора исторической судьбы конкретной нацией.

Идеологическая проблематика военной безопасности узаконена с технологией реализации власти. «Статус-кво» в контексте интерпретации адекватного ответа полномочного субъекта на возникающие опасности в значительной степени зиждется на функционировании политизированных мифов, например, в информационном пространстве [6, ст. 11]. Апелляция к отмеченной категории подразумевает умозаключения структуралистского понимания идеологии в качестве выдуманных представлений Р. Барта, конструирующихся, согласно М. Фуко, дискурсивно и обязательно [3; 12].

Так, мифотворчество в духе Р. Барта есть «сочетание <...> означающих и означаемых (латентных – неосознаваемых и нерелексируемых – смыслов), образующих идеологический уровень дискурса» [3, с. 233-286]. Видимо миф, по Р. Барту, как бы невзначай «крадёт и/или изымает» у означаемых их ретроспективное пространство [Там же, с. 278]. И подобным образом он утверждает себя в качестве «лукавого путаника», навязывающего превращение действительности в символ, согласно Ж. Бодрийяру – в симулякр [4]. Указанное актуально и для идеологического контекста военной безопасности государства.

Мифологизация такого мыслительного представления демонстрирует естественные скрепы «означающего» – идеальность цели и «означаемого» – бытие фактов. Второе при видоизменении символа в идеологии, основываясь на чётко проявленных событиях первого, трансформируется в своеобразные ретуши, которые затем употребляются властью в своих интересах по трепещущему вопросу. В такой ситуации, по мнению В. М. Антолиновской, «исчезают различные типы продуктивных структурных взаимодействий» [2, с. 1092]. Поэтому для плодотворного обеспечения военной безопасности важно адекватно осмысливать возникающие опасности.

Очевидно, что и военная безопасность государства предстаёт сочетанием, в котором бытие фактов нередко переиначивается идеальностью целей, гарантируя тем самым устойчивость власти их толкователей. Реализация подобной мыслительной установки с неизбежностью приводит к тому, что и деятельность и поведение последних больше сконцентрированы на сохранении политического режима, нежели безопасности социума. Взаимодействие элементов военной безопасности при этом подходе, как правило, имеет малоэффективный результат, поскольку умалется её интерналистский типовой момент. Так, по мнению В. В. Путина: «когда страны Европы интегрируются, это нормально, а если мы на постсоветском пространстве делаем то же самое – пытаются объяснить стремлением России к воссозданию какой-то империи» [10].

Разговор ведётся не для «обособления» идеологической составляющей, а по поводу её «встроенности» в совокупность взаимосвязи деятельности и поведения субъектов военной безопасности. Очевидно, плодотворность военной безопасности проявляется особенно тогда, когда деятельностные интенции и этические установки агентов управления проникнуты единством с её идеологической составляющей. По этому поводу следует согласиться с В. М. Дудко, утверждающим, что они – деятельность и этика субъектов – «...отражаются в мышлении социума с фиксацией проблем <...> войны и мира» [8, с. 3].

Следовательно, идеологию военной безопасности государства необходимо воспринимать как один из механизмов формирования совместной ответственности носителей властных полномочий по поводу: а) обнаружения военной опасности; б) показа не только участников инициации последней, но и способов взаимодействия для её предотвращения или минимизации; в) укоренения набора средств в достижении цели. Такая совокупность состояний и процессов трактуемого структурного уровня предмета анализа часто завуалирована, что было рассмотрено ранее, воспроизводством мифов, обслуживающих властные институты, которые по утверждению Т. В. Грачёвой, «утверждают план действий» [7, с. 97]. Переформулируя вышесказанное применительно к исследованию, «интерпретируют суть военной опасности и военной безопасности» исключительно в своих интересах.

В этой связи идеология военной безопасности должна реализовывать, как минимум, две функции. Первая – доказательная – предназначена для формулирования ответа на вопрос: почему состояние какого-либо явления, того или иного процесса представляет / не представляет военную опасность или одну из её форм и в какой степени. Вторая функция – оправдательная – служит, согласно Р. М. Тимошеву, «для формирования направленности и эффективности социальной практики» [11, с. 14], выстраивания стратегии поведения и институционального конструирования военной безопасности.

Важно запечатлеть непрерывную связь между двумя идеологиями – политической и военной безопасности. Для первой императивом достижения цели является самоупрочение посредством противопоставления, которое реализуется в мыслительном конструировании сечения: свой – чужой. Равно как и идеология второй утверждается в срезе противостояния: друг – враг, создающего условия для показа базовой оппонентной пары «военная опасность – военная безопасность». В итоге обозначение военной опасности предстаёт уже не просто в сознательно нейтральных метках уязвимости, а в знаках «чуждости». В свою очередь символы военной безопасности играют роль идеологической окраски «своего», поскольку оказываются за пределами «враждебного» и, что особенно важно, сохраняют материальную и духовную силы.

Таким образом, военная безопасность в толковании осведомлённости социума своей уязвимости идеологически подразумевает создание символов, формирующих «образ врага». Её соизмерение с защищённостью от внешних и внутренних противников следует рассматривать в качестве вымысла, оправдывающего скрытые стремления властного субъекта. В подобной ситуации «образ врага», демонстрируемый как универсальная интерпретационная модель, значительно облегчает решение ряда задач. Во-первых, вуалирование любой военной опасности под единое идеологическое оправдание, а, во-вторых, ускорение мобилизации сил и средств на реализацию противовесной (против «врага») мыслительной программы деятельности и/или поведения.

В современных условиях результатом натурализации идеологического мифа по самосбережению локального социума следует признать продолжавшуюся столетиями и ныне не канувшую в Лету интерпретацию войны как средства обеспечения военной безопасности. И это несмотря на то, что сколь малую толику бы

такое восприятие ни соответствовало на самом деле интересам государства. Именно противоборство за конструирование границ в отношении противника – действительного или мнимого, но в обоих случаях внутреннего или внешнего – обнаруживается в хронологической канве вооружённого насилия.

Список литературы

1. **Альтюссер Л.** Идеология и идеологические аппараты государства [Электронный ресурс] // Неприкосновенный запас. 2011. № 3 (77). URL: <http://magazines.russ.ru/nz/2011/3/al3.html> (дата обращения: 19.04.2015).
2. **Антолиновская В. М., Ступина Т. В.** Культурная глобализация или американский «культурный империализм» // В мире научных открытий. 2014. № 1.2 (49). С. 1092-1101.
3. **Барт Р.** Мифологии / пер. с фр. М.: Сабашниковы, 1996. 314 с.
4. **Бодрийяр Ж.** Симулякры и симуляция [Электронный ресурс]. URL: http://lit.lib.ru/k/kachalow_a/simulacres_et_simulation.shtml (дата обращения: 12.06.2013).
5. **Вершилов С. А.** Сущность и значение военной безопасности в бытии государства сквозь призму социально-философского анализа [Электронный ресурс] // Мир науки: интернет-журнал. 2015. № 1. URL: <http://mir-nauki.com/PDF/23FILSMN115.pdf> (дата обращения: 22.06.2015).
6. **Военная доктрина Российской Федерации:** утверждена Президентом Российской Федерации 26 декабря 2014 года // Российская газета. 2014. 30 декабря.
7. **Грачёва Т. В.** Когда власть не от бога. Рязань: Зёрна-слово, 2010. 320 с.
8. **Дудко В. М.** Сознание военной безопасности военнослужащих Вооружённых Сил Российской Федерации: сущность, структура, социальный механизм формирования: социально-философский анализ: автореф. дисс. ... к. филос. н. М., 2002. 19 с.
9. **Машекуашева М. Х.** Об идеологии (историко-философский очерк) [Электронный ресурс] // Общество: философия, история, культура. 2014. № 4. URL: <http://cyberleninka.ru/article/n/ob-ideologii-istoriko-filosofskiy-ocherk> (дата обращения: 15.04.2015).
10. **Путин: Россия всегда предлагала Европе «серьёзные отношения, а не статус любовниц»** [Электронный ресурс]. URL: <http://rusvesna.su/news/1433580790> (дата обращения: 06.06.2015).
11. **Тимошев Р. М.** К проблеме формирования военной идеологии // Вестник военного университета. 2007. № 3 (11). С. 13-20.
12. **Фуко М.** Воля к истине: по ту сторону знания, власти и сексуальности. Работы разных лет / пер. с фр. М.: Касталь, 1996. 448 с.

IDEOLOGICAL CONTEXT OF MILITARY SECURITY OF THE STATE

Vershilov Sergei Anatol'evich, Ph. D. in Philosophy, Associate Professor
*Military Educational-Research Center of Air Force "Air Force Academy
named after professor N. E. Zhukovsky and Y. A. Gagarin" (Branch) in Krasnodar*
vershil@mail.ru

The article is aimed at demonstrating the ideological context of the military security of the state in the era of globalization. The scientific novelty of the research is in the record of myths revealing the latent intentions of the authorized subjects of the military security of the state. Practical significance is in making a show of the fact that opposition on the "arrangement" of ideological distancing relative to the enemy – true or false – is manifested in a series of armed conflicts. It is important to take this into account in the activity and behavior of the subjects of the military security of the state.

Key words and phrases: agents of management; adequate response; war; military security of the state; armed violence; ideological context; danger; viability; ideology; myths; subjects; vulnerability.

УДК 304

Философские науки

В статье обосновывается система взаимосвязанных требований к менталитету современного общества, способствующих развитию системы «наука – техника – производство» и предотвращению социальных рисков. Проведен сравнительный анализ «идеального» менталитета, сущностных черт российского менталитета и реальной ментальности современного российского общества с целью выявления степени соответствия объективным требованиям технологического переворота.

Ключевые слова и фразы: «идеальный» менталитет; реальная ментальность общества; российский менталитет; система стереотипов; система ценностей; современный технологический переворот.

Веряскина Анна Николаевна, к. филос. н., доцент

*Нижегородский институт управления – филиал Российской академии народного хозяйства
и государственной службы при Президенте Российской Федерации*
veryaskina-an@mail.ru

МЕНТАЛИТЕТ В УСЛОВИЯХ СОВРЕМЕННОГО ТЕХНОЛОГИЧЕСКОГО ПЕРЕВОРОТА®

Понятие «менталитет», активно используемое в западной научной мысли с XIX в., до сих пор не имеет общепризнанной развернутой дефиниции. Среди многообразия трактовок данного понятия можно выделить четыре основных подхода.